

Ши Мэньяо опомнился первым, тут же оказываясь рядом с лежащим на полу человеком. Он достал из рукава ханьфу тонкий листок бумаги, на котором можно было увидеть красиво выведенный иероглиф «огонь». Бумага, едва коснувшись пальцев заклинателя, вспыхнула, переливаясь солнечным сиянием, и плавно опустилась на истерзанные лопатки несчастного.

Янь Шэнли стал свидетелем чуда из чудес: багровые искры с кошачьим шипением ринулись на черно-золотой рой, прожигая насквозь тончайшие крылья демонических бабочек. Те, издавая тонкий писк, превращались в ничто, не оставляя после себя даже и горстки пепла, только едкий дымок, пахнувший палёной плотью. Когда последняя тварь была испепелена, Ши Мэньяо резко обернулся к Лао Гуну:

— Немедленно найди хозяина постоянного двора!

Лао Гун вздрогнул. Он еще ни разу не сталкивался с чем-то настолько отвратительным, и все его внимание было приковано к кровавому месиву на спине мужчины. Но громкий, четкий голос шифу вырвал его из оцепенения.

— Конечно, шифу! - протараторил адепт, пулей выскакивая за дверь.

«Хозяин! Эй, где хозяин?!» - слова быстро растворились в вое ветра на улице.

Янь Шэнли, наблюдавший за всей этой картиной самого настоящего ужаса, не издал ни звука. Он всматривался в тёмную, почти чёрную кровь, стекающую со спины на пол, в обнажённые, желтоватые ребра, что слегка виднелись сквозь прогрызенное мясо. К горлу покатила тошнота. Боги, это было страшнее любого фильма ужасов!

[Голосовой помощник]: — Обнаружена жертва воздействия демонической ци низшего порядка. Состояние: критическое. Вероятность выживания: 3%. Внимание: данное событие является триггером для развития арки. Рекомендуется наблюдать.

Парень дернулся от внезапного голоса системы.

«Наблюдать?», - мысленно повторил Янь Шэнли. — «Да я сейчас всё содержимое своего желудка выблюю! Ты хочешь, чтобы я на это смотрел?!»

Судорожный выдох вырвался у Люй Сюина, вынудив Ши Мэньяо перевести на него взгляд, подмечая неестественную бледность шиди. И в эту секунду ребра словно сдавило, мешая дышать.

Давно окостеневшее сердце вновь ёкнуло.

Да, они встретились. Спустя долгие, тягучие годы разлуки. Но только встреча эта была похожа больше на злую шутку судьбы. Его шиди сидел здесь, в нескольких шагах. Живой, но до

неузнаваемости чужой. Встреча, о которой Ши Мэнъяо порой позволял себе помечтать, обернулась сплошным разочарованием. Вместо радости – подозрение. Вместо объятий – оковы.

Верить ли его словам о потерянной памяти?

Ши Мэнъяо плотно сжал губы, выражая этим жестом всю покорность жестокой судьбе. Это было не просто проблемой, Люй Сюин превратился в настоящий балласт. Заклинатель и так должен был сдерживать порывистого Лао Гуна, а теперь ему на задании, где неверный шаг грозил смертью, нужно следить еще и за каждым шагом человека, ставшего вдруг хрупким, как стекло. Одно неловкое движение — и того могли прихлопнуть, как назойливую мошку.

Да, он скучал. Очень. Эта тоска годами разъедала его изнутри, и сейчас, при виде знакомых черт, она вновь вонзила в сердце свои острые когти. Но реальность была безжалостна: его нашли у проклятого озера в виде, присущем только мертвецам. Неужели это простое совпадение?

Ши Мэнъяо с силой провел пальцами по вискам, пытаясь разогнать нахлынувшие чувства. Нужно было решить эту непредвиденную проблему, и быстро. Может, запереть его в комнате? Нет, слишком опасно. А оставить без присмотра — все равно, что поднести факел к бочке с порохом. Присмотреть за ним было некому. Впервые за долгое время Ши Мэнъяо с сожалением подумал, что стоило взять с собой еще одного ученика для подобных поручений.

Теперь прошлое, ставшее вдруг настоящим, зашептало: «Он здесь. Он жив. И что бы ни произошло, ты не имеешь права потерять его снова», разрывая Ши Мэнъяо между чувством долга, здравым смыслом и щемящей тоской.

Вернувшийся Лао Гун привел за собой перепуганного хозяина. Они предельно осторожно перенесли пострадавшего в свободную комнату. Внутри стояла духота, словно здесь никогда не открывали окна, а пыль забиваясь в нос, вызывала приступы чихания. Все трое хранили напряженное молчание, и только лишь тяжелое, прерывистое дыхание раненого нарушало ее. Хозяин постоянного двора, смачивая тряпку в тазу с водой, заговорил полным отчаяния голосом:

— Бедный Чан Хи... – дрожащими руками он бережно промокал кожу вокруг страшных ран, смывая запекшуюся кровь и грязь. — Эта демоница и до него добралась!

Ши Мэнъяо, сидя у постели, с хирургической точностью работал тончайшим серебряным пинцетом, извлекая из-под кожи жертвы крошечные, пульсирующие коконы. На слове «демоница» его пальцы замерли на мгновение, а в глазах вспыхнул интерес:

— Демоница? Значит, этот демон – женщина?

Прежде чем пожилой мужчина успел открыть рот, адепт, сидевший рядом со своим учителем и державший блюдце для личинок, кивнул, бесстыдно влезая в разговор:

— Шифу, по пути к господину Суну этот ученик слышал, как местные в страхе перешептывались. Все они называют её именно демоницей. Говорят, она является ночью...

Господин Сун печально опустил голову и глухо добавил:

— Да, в образе рыдающих детей. Мальчика и девочки, — он с силой выжал тряпку, и прохладная вода стекла по его запястью. — Поговаривают, что по всему телу этих детей рассыпано множество глубоких язв, в которых и живут эти проклятые твари. Стоит во сне поддаваться жалости, попытаться утешить детей... как целый вихрь из этих мелких насекомых набрасывается, чтобы пожрать плоть и душу. И хотя все это сон, шепчутся, что боль бедолага чувствует что ни на есть самую настоящую! И ведь этим недугом страдают только целители! Вот же беда...

Лао Гун негромко хмыкнул, метнув взгляд, полный подозрения, в сторону пленника, неподвижно прислоняющегося к стене.

— Шифу, — вновь обратился адепт к Ши Мэнъяо, намеренно повышая голос, — странно это все. До жути странно. Вспомните, мы провели в этой дыре несколько дней, и что видели? Лишь перешептывания да бледные лица. Ни единой зацепки, ни одного настоящего следа.

Он сделал паузу и легко, почти незаметно кивнул в сторону Янь Шэнли.

— Но стоило набрести на этого де... мужчину у проклятого озера и привезти его сюда, как словно плотину прорвало! Тишину разорвали крики, и мы тут же наткнулись на этого несчастного, — затем Лао Гун кивнул на Чан Хи, — с демоническими паразитами. А теперь и господин Сун нашелся, готовый рассказать все, что знает. Где же все были, когда мы только приехали? Не кажется ли вам, шифу, что это слишком удивительное совпадение? Будто само зло пришло в движение, едва этот человек переступил порог!

[Голосовой помощник]: — Обнаружена критическая угроза для репутации пользователя.

[Рекомендуется повысить бдительность. Статус: «Под подозрением»]

Безэмоциональный голос Бию отозвался в сознании Янь Шэнли. Он закатил глаза:

«Спасибо, Бию, как будто я сам не вижу, что из меня уже сделали козла отпущения.»

Ши Мэнъяо поучительно ответил на все обвинения:

— Не спеши винить ветер в том, что надвигается гроза, Лао Гун. Возможно, он не причина, а лишь вестник. Наша задача понять, что именно он несет — бурю или прохладу долгожданного дождя.

Лао Гун едва слышно фыркнул, отводя взгляд, но не раньше, чем Ши Мэнъяо заметил мимолетную искру осуждения.

«Ну конечно, давай, выгораживай его», – пронеслось в голове адепта.

Снисходительность шифу к этой скользкой личности действовала Лао Гуну на нервы. Почему учитель так упорно защищал этого странного типа? Что он в нем такого увидел? Абсурд. Это просто ещё один демон, хорошо притворяющийся человеком, а не дорогой сердцу брат!

[Анализ невербальных сигналов фигуры «Лао Гун»: поза закрытая, мимика выражает скепсис. Уровень подозрений повысился на 15%. Риск конфликта: средний.]

Подросток вновь недобро зыркнул на Янь Шэнли, но тот даже бровью не повел, прибывая в глубоком негодовании:

«Идиотская система, хватит констатировать очевидное! Лучше бы подсказала, как отсюда выбраться»

— Как скажете, шифу, – сквозь зубы пробормотал адепт, склоняя голову в формальном поклоне. Его плотно сжатые губы едва заметно тряслись от невысказанных слов.

Ши Мэнъяо проигнорировал выпад ученика, не считая чьи-то недовольства в данный момент первостепенными.

После открытия разлома подобные демонические проявления, как эти крылатые твари, увы, перестали быть редкостью. Опыт, оплаченный собственной и чужой кровью, научил заклинателя подходить к каждому подобному заданию со всей собранностью. Он заранее запасся талисманами и компактными артефактами вместе с несколькими полезными растворами, радушно врученными ему в ордене.

Поборов отвращение, Янь Шэнли всматривался в спину Чан Хи, заметив на ней странные темно-красные точки с желтоватой корочкой по бокам.

[Обратите внимание! Обнаружены аномальные точки киноварного цвета на спине жертвы. Они являются маркерами для формирования новых язв. Прогноз: начало активной стадии через 24 часа]

[Голосовой помощник]: — Пользователь, будьте осторожны. Угроза может быть заразной.

Прекрасно! И так иронично. Мало того, что его считали вестником бед, так еще подкинули сладкий бонус в виде того, что он может превратиться в рассадник этих мерзких демонических тварей! Янь Шэнли невольно отступил на шаг, касаясь спиной прохладной стены.

Лао Гун, заметив это движение, тут же насторожился.

— Что с ним? - резко спросил он, глядя на Люй Сюина. — Увидел что-то, что нам невдомёк?

Ши Мэнъяо медленно поднял голову, скользнув взглядом сначала по шиди, а затем по спине Чан Хи, пытаясь разглядеть то, что увидел Люй Сюин.

— Ты что-то заметил?

— Ничего, - солгал Янь Шэнли.

Вытащив последнего паразита, Ши Мэнъяо бесшумно положил серебряный пинцет на окровавленный платок.

«Неужели этот человек - лекарь?», - промелькнула у Янь Шэнли мысль, на которую Бию, разумеется, не ответила. Но разгадка не заставила себя ждать.

Лао Гун, будто уловив ход его мыслей, обратился к хозяину постоянного двора:

— Получается, Чан Хи тоже был лекарем?

Господин Сун слабо кивнул, и с этим кивком его плечи словно ещё сильнее согнулись. Потухший взгляд был прикован к изуродованной спине Чан Хи, не без тяжести блуждая по глубоким ранам, и чем дальше он всматривался, тем четче образовывалась глубокая вертикальная складка около переносицы. Его тонкие губы слегка дрожали, но голос был на удивление ровным и тихим:

— Скажите... он поправится?..

Сейчас господин Сун выглядел как отец, потерявший сына. Его кожа, и без того покрытая морщинами, будто еще больше обвисла, прибавляя пожилому мужчине лишний десяток лет. Видя это, даже на лице Лао Гуна показалось искреннее сочувствие.

— Маловероятно.

В воцарившейся после этих слов тишине щелчок пальцев звучал как выстрел. Кокон, внутри которых созревали паразиты, вдруг беззвучно вспыхнули на блюде пламенем, за считанные секунды обратившись в черную пыль. Ши Мэнъяо вытащил из хэбао¹ несколько небольших склянок с мутноватой жидкостью и протянул их хозяину постоянного двора.

¹Подвесной кошелёк. Общий термин для обозначения китайских мешочков с вышивкой,

кошельков или маленьких сумочек.

— Это замедлит распространение скверны, - произнес он бесстрастно. — Но не более того.

Господин Сун, не надеявшийся уже ни на какую помощь, застыл в оцепенении. Он не сразу осмелился принять дар, но когда прохладное стекло коснулось его ладоней, пожилой мужчина рухнул в ноги Ши Мэнъяо.

— Спасибо вам, великая милость! - его голос сорвался на рыдания. — Я буду молиться за вас всем богам... О, милостивые боги, спасибо...

Ши Мэнъяо не шелохнулся, лишь холодно усмехнулся:

— Боги? - он мягко, но неуклонно высвободил полу своего ханьфу из цепких пальцев старика.
— Они давно покинули эти земли.

Его взгляд скользнул к Лао Гуну, и он коротко кивнул в сторону выхода. Янь Шэнли, все еще погруженный в размышления, лишь сейчас заметил, что те двое уже были готовы к уходу.

— Нам пора.

Ши Мэнъяо, не терпящий медлительности, не стал его дожидаться. Легкое движение руки, и от браслета потянулась тонкая, но крепкая полупрозрачная цепь. Она натянулась, дернув парня вперед.

От такой резкости Янь Шэнли насупился:

«Он обращается со мной, как с щенком!» - закипело внутри.

Парень не терпел подобного отношения к себе, всегда готовый дать сдачи. Еще с детства за кривое слово в свой адрес он доблестно бил в моську, но сейчас приходилось глотать обиду, что только подогревало злость. Янь Шэнли прекрасно понимал, что с его скромными силами не оставить и царапины на коже заклинателя. Посему оставалось лишь недовольно прожигать Ши Мэнъяо глазами и покорно плестись следом.

В коридоре Ши Мэнъяо и Лао Гун синхронно остановились и устремили на него оценивающие взгляды. Янь Шэнли фыркнул и принялся плясать в ответ.

«Чего уставились? Что им нужно?»

Лао Гун сделал шаг вперед. Янь Шэнли инстинктивно отступил назад. Адепт свел брови,

наклонился и резко принялся. Его лицо сначала побелело, а затем приобрело зеленоватый оттенок. Он отпрыгнул на добрых три чиТри чи \approx 1м назад, зажимая нос рукавом.

— Фу-у-у! Этот ученик всё ещё думает, что перед нами демон! – выдохнул он, с отвращением глядя на Люй Сюина. — А если и не демон, то как смертный может источать такое зловоние?! Шифу, он одним своим видом и запахом всех свидетелей распугает! Нам же некого будет расспрашивать!

Ши Мэньяо даже бровью не повел, не став оспаривать слова ученика. Он понимал: чтобы выведать информацию, нужно вызывать хоть каплю доверия, а не страх и отвращение. Заклинатель с легкой усталостью потер переносицу.

— Лао Гун, – сказал он тоном, не терпящим возражений, — одолжи ему второй комплект своей одежды.

— Но шифу! – начал было возмущаться адепт, но, встретив спокойный взгляд учителя, лишь сдавленно фыркнул. Спорить было бесполезно.

Ши Мэньяо повернулся к Люй Сюину:

— Общественная купальня тебе не подходит. Слишком много глаз и ушей. Нам не нужны лишние пересуды.

Не дав Янь Шэнли возразить, заклинатель развернулся и бросил:

— Идем за мной.

Он провел Люй Сюина в самое дальнее крыло постоянного двора, где в отдельном помещении стояла большая, выдавшая не одно голое тело, деревянная бочка, наполненная теплой водой. Рядом на низком табурете лежала простая, но чистая тряпка. Это помещение редко использовали гости, но тем не менее господин Сун всегда старался держать её в чистоте и со всем необходимым. Сюда приходили те, кто хотел побыть один, либо те, кто возжелал уединиться.

Янь Шэнли брезгливо окинул взглядом это «удобство».

— И это всё? – спросил он, не скрывая недовольства. — Вы предлагаете мне мыться в этом?

Ши Мэньяо оставался невозмутим.

— Вода чистая. Этого достаточно, чтобы смыть грязь, – он сделал паузу, добавив чуть мягче: — И запах.

Лао Гун, стоявший за спиной учителя, язвительно хмыкнул:

— А что ты хотел? Покои для омовения с лепестками роз? Радуйся, что тебе вообще дали возможность смыть с себя эту вонь!

Что ученик, что его учитель – все одно. Парень с неприязнью потрогал край бочки. Она была неприятно влажная, покрыта непонятного происхождения липким слоем и явно не манила к себе.

— Хоть бы мыло дали, – проворчал он себе под нос.

Ши Мэнъяо, уже повернувшийся было уходить, остановился у выхода.

— Чистота духа важнее чистоты тела, – произнес он. — Травяное средство находится за бочкой в углу.

И вышел, а за ним и Лао Гун, который, последний раз окинув взглядом обреченного Люй Сюина, довольно заулыбался. За неплотно прикрытой дверью было слышно, как заклинатель дает распоряжение своему ученику:

— Стоять здесь и не отходить ни на шаг.

В небольшой, тускло освещенной комнатухе приводить себя в порядок было очень непросто. Янь Шэнли то и дело ударялся локтем о стены, то коленом об бочку. Все-таки смыть эту грязь с тела и облачиться в чистые, надушенные чем-то приятным изумрудные одеяния Лао Гуна дорогого стоило. Ткань мягко коснулась кожи, словно шелк, и Янь Шэнли невольно зажмурился от неожиданного наслаждения. Приятное чувство чистоты положительно влияло на ментальное состояние, наконец-то освежая и даря какое-то внутреннее умиротворение. Пусть и ненадолго.

Парень расчесал пальцами спутанные волосы, потрогал свои щеки, убеждаясь, что они все такие же худые, почти впалые. Он поймал свое отражение в темной воде и на мгновение застыл. Измученное лицо с большими глазами преобразилось, обретя утончённую красоту, подобную хрупкому фарфору.

[Внешнее состояние улучшено. Уровень стресса снижен на 20%]

Когда дверь открылась и оттуда вышел опрятный, и, как оказалось, очень милостивый молодой человек, на лице Лао Гуна показалось неподдельное удивление. Худощавое телосложение Люй Сюина идеально соответствовало росту Лао Гуна, и ученические одеяния сидели на нем на удивление хорошо, лишь слегка стягивая в области грудной клетки. Даже адепт не смог сдержать тихого возгласа:

— Ого! А ты оказывается... ничего собой.

Заклинатель молча оценил перемену, но где-то глубоко внутри он был более чем доволен. Вот так он должен выглядеть. Теперь-то Люй Сюин действительно походил на всегда опрятного, красивого шиди. Того, что навсегда поселился в памяти.

Ши Мэньяо словно вернули обратно, в те далекие времена, где из множества лиц выделялось всего одно - с мягкой, почти детской линией губ и теплым янтарем в глазах, что всегда с неизменным восхищением смотрели на него.

Он засмотрелся всего на несколько минут, но ощущались они почти как пропасть, внезапно оказавшаяся под ногами. Ши Мэньяо резко отвернулся.

— Не пялься, как на диковинку, - сухо бросил он Лао Гуну. — В путь.

Правда, теперь, когда они неспеша шли вдоль небольшой улицы, эта компания собирала еще больше ненужного внимания. Жители украдкой поглядывали на них из-за окон, затянутых промасленной бумагой. На тонком, матовом полотне то и дело проступали тени склонившихся фигур, а в местах, где бумага истончилась или была случайно проколота пальцем, мерцали темные зрачки.

Лао Гун, ускорив шаг, обратился к Ши Мэньяо:

— Шифу, а какое отношение Чан Хи имеет к господину Суну? Почему хозяин так убивался над ним, словно над родным сыном?

Заведя руки за спину, Ши Мэньяо спокойно ответил:

— Чан Хи - его внебрачный сын, - заклинатель задумчиво добавил, и в его глазах мелькнула тень жалости: — Как отец может спокойно смотреть на муки своего чада?

Подросток вспомнил, как хозяин постоялого двора благодарил за подаренные снадобья, чуть ли не проливая подавленные слезы. В таком случае, если их связывали тайные узы, реакция старика была понятна. Должно быть, он действительно был благодарен за подаренную возможность как следует проститься с сыном и, возможно, сказать все то, что у того было на сердце.

Жена господина Суна была из знатного рода, но это не помогло понести от своего мужа ребенка, и как бы они ни старались, увы, брак их был бездетным. Господин Сун, а точнее Сун Минцзэ, одержимый продолжением своего рода, отчаявшись, решился на блуд. Познакомился с приятной дамой - простой ткачихой, но как же она была кокетлива и легка! Её бархатный голосок лился, как вода в кристальном ручье, омывая усталое сердце Сун Минцзэ. И вот, снизошла радость, та в тайне родила ему сына, но скончалась при родах. Как же тогда

мужчина горевал. Жена, узнав об измене, пригрозила сжечь все его имущество и уехать обратно в отчий дом, а там нажаловаться о своем горе и о том, что Сун Минцзэ не отказывал себе в ежедневных побоях бедной женщины. Чтобы сохранить лицо семьи, Сун Минцзэ был вынужден отдать мальчика в чужие руки, сказав жене, что утопил собственного ребенка в озере Цзиншуй. Он тайно оплачивал его содержание и обучение ремеслу лекарей. Всю жизнь он наблюдал за сыном издалека, не смея даже подойти к нему...

— Представь, - тихо сказал Ши Мэньяо, — всю жизнь видеть, как растет твоя кровь, слышать, как люди хвалят его ум и доброе сердце, но не иметь права назвать его сыном. А теперь и вовсе потерять.

Лао Гун поёжился. Чувство было и правда не из приятных.

— Шифу, - подросток остановился, подняв свои зелёные глаза на заклинателя, — а откуда Вы это узнали?

Вопреки его ожиданиям, ответа не последовало. Ши Мэньяо лишь бросил короткий взгляд на Люй Сюина, будто сверяя его с каким-то внутренним образом.

— Нам нужно кое-кого навестить, - проигнорировав вопрос ученика, мужчина свернул с главной дороги.

Они направились к дому главного лекаря селения, к господину Мо. Вскоре добравшись, тот принял их радушно, как и подобает. Посадил за стол, приказав слугам принести кушанье. Хоть солнце давно скрылось, уступая небосвод луне со звездами, господина как будто бы это не сильно заботило, как и самого Ши Мэньяо, который хотел поскорее разобраться с демоницей и вернуться обратно в орден вместе с Люй Сюином. Несмотря на поздний час, в доме горели все светильники, создавая неестественно яркое освещение.

— Прощу, отведайте скромное угощение, - с натянутой улыбкой произнес лекарь, разливая по пиалам подогретое рисовое вино.

Ши Мэньяо вежливо отклонил вино, пригубив вместо этого травяной чай. Фарфоровая пиала с глухим стуком вернулась на стол.

— Господин Мо, позвольте вернуться к важному вопросу. Вы человек ученый, хотелось бы услышать и ваше мнение, может быть, у вас есть догадки, почему демоница выбирает исключительно лекарей?

Господин сделал слишком поспешный глоток, обжигаясь, и нервно рассмеялся:

— Кто знает причуды злых духов... Может, просто совпадение? А вот местное вино, должен заметить...

Янь Шэнли сидел неподвижно, не прикасаясь ни к еде, ни к напиткам. Хоть во рту его кроме тех ягод больше ничего не побывало, все-таки слишком небезопасно было вкушать еду в незнакомом доме, глядишь, и вместе с танцулицзи² вкусишь горечь яда.

²Одно из самых популярных блюд китайской кухни, где хрустящие кусочки свинины покрыты блестящим кисло-сладким соусом. Особенность этого блюда в том, что свиная вырезка должна быть приготовлена так, чтобы она была хрустящей.

Парень украдкой следил за главным врачом, анализируя его нервные движения. Господин Мо постоянно поправлял одежду, натягивая ткань глубже на руки, тер нос, когда Ши Мэнъяо вновь поднимал тему про демоницу, и тот, в свою очередь, менял тему разговора.

Когда врач в очередной раз попытался перевести разговор на качество риса, Янь Шэнли небрежным движением локтя опрокинул стоявшую рядом фарфоровую вазу. Та с пронзительным звоном разбилась о пол, разлетаясь множеством осколков в разные стороны.

— Ох! - наигранно воскликнул парень, в смущении прикрывая рот рукой. — Какая же я неуклюжая бестолковщина! Примите мои тысячи извинений! Я сейчас все уберу...

— Ничего... ничего страшного... - забормотал господин, судорожно сглатывая. — Сидите, пожалуйста, я сам... я всё уберу...

Дрожащими руками он бросился собирать осколки, но в спешке его широкий рукав зацепился за край стола, обнажая кожу. Взору присутствующих предстали уродливые багровые углубления, в которых зловеще пульсировали золотистые коконы. От этого бедный желудок Янь Шэнли скрутился в тугой узел, но подкатывающую тошноту пришлось проглотить. Он притворно ахнул, широко раскрыв глаза:

— О, небеса! Да вы же сами тяжело больны, господин врач! - воскликнул Шэнли, резко хватая мужчину за запястье и грубо задирая рукав до плеча. Картина оказалась ужаснейшей - вся рука была испещрена гноящимися язвами с этими тварями.

Врач Мо замер в немой панике, его глаза метались от лица Янь Шэнли к Ши Мэнъяо. Он пытался вырвать руку, но хватка была железной.

— А говорили, что ничего не знаете. Как же вы, в таком состоянии, ещё и людей лечите?

Ши Мэнъяо поднялся из-за стола, мгновенно оказываясь рядом с Янь Шэнли и врачом. Чекая каждое слово, он произнес:

— Сейчас же снимите верхнюю одежду.

Господин Мо вжал голову в плечи, все краски в одно мгновение сошли с его лица:

— Нет... Вы не понимаете...

— Понимаю, я прекрасно все понимаю, — голос Ши Мэнъяо стал чуть тише, оттого еще более угрожающе. — Раздевайтесь. Сейчас. Третий раз повторять я не намерен.

Лао Гун, до этого молча наблюдавший, машинально потянулся к рукояти меча.

<http://bllate.org/book/17378/1629812>